

Откуда начинается земля

Александр Александрович
Полещук

Главный редактор журнала «Восточная
коллекция»

Род деятельности:	журналист, публицист, прозаик, редактор
Дата рождения:	12 мая 1941 (74 года)
Место рождения:	р.п. Юдино, Петуховский район, Челябинская область, РСФСР, СССР (ныне г. Петухово, Курганская область)
Гражданство:	 СССР → Россия
Награды и премии:	

Километровый столб,
что стоял — и стоит сейчас —
у вокзала железнодорожной
станции Петухово,
называется «путевой знак».
Когда-то за ним был садик,
где чахли кусты жёлтой
акации и возились в пыли
воробьи, а перед крашенным
охрой деревянным вокзалом
расстился дощатый
перрон с конусом цветочной
клумбы посередине.

Направляясь на стрелочный завод за материалом
для газеты «Трудовое знамя», я часто выбирал дорогу
через станцию и бросал взгляд на путевой знак.
Строгие чёрные цифры на эмалевой табличке (в
нижнем углу эмаль была сколота) указывали

расстояние от Москвы – 2537 километров. Москва знала и помнила, что есть такая станция – «Петухово», и этот столб молчаливо иллюстрировал поэтическую аксиому Сергея Михалкова: Как известно, вся земля / Начинается с Кремля. Но поэт жил в столице, у него свой взгляд на вещи, а для меня земля начиналась здесь, в малоизвестном зауральском городке, отсюда шёл мой отсчёт километров.

Говорят, что любовь к Отечеству человек обретает через любовь к своей малой родине. Возможно. Но у меня было ровно наоборот: с детских лет я гордился Советским Союзом – моей великой и прекрасной страной, а в Петухово не находил ничего примечательного. Надо признать, что основания для такого грустного вывода имелись. В отличие от коренных русских земель, где цивилизация существовала много веков, Западная Сибирь только в XIX веке начала накапливать культурное достояние, формировать тот образованный слой общества, что является созидателем и распространителем духовных богатств. Здесь, в окраинной стране вольных землепашцев, не было крепостного права, но не было и дворянства, не было усадеб, в тиши которых возрастали наши великие писатели и композиторы; не было крупных городов и университетов, древних монастырей и храмов. Волны европейского влияния

сюда почти не достигали, традиции культурной жизни и интеллектуального общения стали складываться поздно.

Только с годами пришло чувство вечной привязанности к моей незнаменитой родине, которое не исчерпывается записью в паспорте и не зависит от количества достопримечательностей и памятных исторических мест. Изредка приезжая в город своего детства и юности, я всякий раз ищу на заросших травой забвения тропках дорогие следы прошлого, а если не нахожу, то возвращаю их в своей слабеющей памяти.

Последний мой приезд в Петухово относится к осени 2005 года. Родных там у меня давно уже нет, да и друзей-знакомых почти не осталось. Но как только представилась возможность побывать в родных местах, я без колебаний ею воспользовался.

За два дня обошёл памятные места, связанные с детством и юностью. Странное, никогда ранее не испытанное ощущение не покидало меня: как будто в прежних, чуть обновлённых декорациях разыгрывалась передо мной новая пьеса с незнакомыми актёрами. Я узнавал улицы, переулки и здания, вспоминал очертания снесённых строений, но из прохожих не узнавал никого, сколько ни

всматривался в лица мужчин и женщин, внешне смахивающих на сверстников. Иные если и угадывали во мне не местного, проходили мимо, не проявляя даже малого интереса к моей персоне. Вспомнилось грустное и точное наблюдение писателя Виктора Лихоносова: «Если хочешь почувствовать, как прошла твоя жизнь, навести свою родину, узнай со скорбью, как мало помнят тебя».

Постоял у нашего бывшего дома №5 по улице Мира. Мать продала его и перебралась ко мне в Свердловск, когда, по смерти своих родителей, осталась в нём совсем одна. Дом чуть скособочился и обзавёлся надстройкой, но знакомые ставни и наличники по-прежнему безмятежно голубели на фоне потемневшего фасада.

Обошёл квартал кругом в надежде найти за огородом следы пустыря – привычного места детских игр. На пустырь можно было выйти прямо из нашего огорода, повернув деревянную вертушку в калитке, а потом миновать кирпичный магазин и оказаться на соседней улице. Но идиллическая территория детства оказалась заставленной металлическими гаражами и заваленной мусором, традиционно сопровождающим такого рода строения. Старого магазина тоже не оказалось – там стояла гостиница.

А особнячок с высоким крыльцом, где когда-то размещалась редакция районной газеты «Трудовое знамя» – моё первое место работы, – ещё держался. Его приспособили под жильё, а газета (теперь она называется «Заря») давно переехала в современное здание.

Рядом с путевым знаком номер 2537 обнаружил строгую вывеску: «Таможенная зона». После развала СССР Петухово неожиданно стало в прямом смысле слова окраиной России: до границы с Казахстаном отсюда несколько километров. Если земля наша и теперь начинается с Кремля, то здесь она, в известном смысле, заканчивается.

У нас сравнительно недавно стали разделять понятие «родина» на «малую родину», определяемую по месту рождения, и «большую» – Отчизну. Однако если вдуматься, между ними по существу нет разницы: там и там присутствуют географический, политический и этнический смыслы, оживлённые сильным эмоциональным переживанием.

Обострённое чувство патриотизма моё поколение (в 1948 году, через три года после окончания Великой Отечественной войны, я пошёл в первый класс) обрело рано и естественно. Война, унёсшая или опалившая огнём отцов большинства учеников

нашего класса, была главным и бескомпромиссным воспитателем. Меня до сих пор пробирает дрожь, когда я слышу: «Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!»

Получается, что Родина – нечто большее, чем государство. Это моя земля и моя история, моя культура, мой язык и мой народ. Нечто реальное, очерченное границами, и в то же время отчасти мистическое, эмоционально ощущаемое, отражённое в словах, которые теперь принято называть «пафосными», – родная земля, Родина-мать. То необъяснимое, что поэт Владимир Фирсов назвал чувством Родины.

Родимая сторонка, родной край обычно имеют какие-либо приметные черты, особенности, свойственные именно данному уголку мира. Есть даже отдельная научная дисциплина – краеведение, а краеведов (не обязательно дипломированных специалистов-историков) в нашей стране сотни тысяч. Достоинствами родного края, заслугами земляков гордятся, родные места любят и даже обожают, о них пишут стихи и статьи, снимают фильмы.

Мои родные места – это южная часть Западно-Сибирской равнины, где она готовится стать

казахской степью. Природа не одарила кусочек зауральской земли, лежащий на широте Москвы, в юго-восточном углу Курганской области, ничем значительным и изобильным, побросав, как попало, то, что осталось у неё от предыдущего акта творения. Здесь нет вековой тайги и обширных лесов, но повсюду увидишь колки' – светлые рощи, лесочки и перелески, состоящие из берёзы и осины; здесь плодородный чернозём чередуется с солончаковыми пустошами, покрытыми жёсткой травой; здесь не найдёшь ни реки, ни ручья, зато много озёр в плоских топких берегах – обычно вода в них солоноватая, горьковатая, но встречаются и пресные озёра, с шапкой камыша посередине, где ловятся ленивые караси, сюда же приезжают охотники стрелять уток; – однообразие ровных лесостепных пространств изредка нарушается здесь лишь увалами – невысокими, вытянутыми наподобие складок холмами, да блюдцами – сырыми низинами, густо поросшими тальником.

О древней и средневековой истории Зауралья мало что известно. От населявших эти места два тысячелетия назад иранских племён – саргатов – остались немногочисленные предметы материальной культуры. Археологи находят их, раскапывая возведённые над захоронениями знатных вождей

курганы (наверное, один из таких курганов дал название областному центру). Саргаты, вовлечённые в процесс движения азиатских народов на запад, куда-то сгинули, и до самого монгольского нашествия в XIII веке достоверные сведения о Зауралье отсутствуют. Скудны археологические и письменные свидетельства о племенах, кочевавших здесь и в последующие века. Междуречье Тобола и Ишима становилось окраиной то Сибирского, то Джунгарского ханства, побывали тут ногаи, калмыки, киргиз-кайсаки (казахи) Средней орды.

Для русских зауральская лесостепь стала естественными воротами в Азию. Перевалив через Тобол, землепроходцы, однако, не всегда двигались дальше, в Сибирь, а бывало, что и оседали в безлюдной глухомани, распахивали тучную целину. Возникали деревеньки, зимовья, выселки. В XVII веке началось строительство укреплённой линии для отражения набегов киргиз-кайсаков, причиной коих становились традиционные споры о принадлежности тех или иных угодий и угон скота. Впрочем, конфликты так или иначе улаживались, и аборигены-скотоводы снова кочевали поблизости от земледельческих поселений, чтобы без проблем обмениваться с русскими продуктами своего труда. Со временем была обустроена цепочка казачьих

станций, слобод и редутов, обозначивших границу с землями казахов. Её называли «Горькой линией» из-за многочисленных горько-солёных озёр, разбросанных вокруг, а вовсе не по причине тягот воинской службы, однообразное течение которой нарушалось лишь конфликтами с принявшими русское подданство степняками, по старой памяти угонявшими у соседей табуны, да похищением русскими удальцами аульных красавиц – не для забавы, а для женитьбы, поскольку невест в том далёком краю не хватало.

Время не пощадило деревянные и глинобитные укрепления. Ружья и шашки, орудия труда и предметы быта русских первопоселенцев сданы в музеи; церкви, за малым исключением, сгорели или разрушены, станции превратились в обычные сёла. Но на подробной карте всё ещё можно обнаружить след прежней Горькой линии. Вереница поменявших грамматический род названий прежних казачьих станций вьётся с запада на восток то по территории Казахстана, то по южным пределам Курганской области: Усть-Уйское, Звериноголовское, Пресногорьковское, Пресновское, Дубровное, Михайловское. Да и Петропавловск – нынешний центр Северо-Казахстанской области – начинался как казачья станция.

Письменное свидетельство существования на месте сегодняшнего города Петухово поселения, получившего название «деревня Юдина», относится к 1780 году. О происхождении названия достоверных сведений нет. Здравый смысл подсказывает существование фигуры некоего первоцелинника Юдина, однако в ту пору фамилий у простолюдинов не было. Может, он переселился в Сибирь из какого-нибудь «расейского» села Юдина?..

В 1908 году деревня Юдина обрела статус села. Бурное развитие села и окрестных деревень связано с осуществлением в конце XIX века грандиозного проекта – строительством железной дороги от Урала до Тихого океана. «Великий Сибирский путь» – так с полным основанием стали именовать эту магистраль.

На современной карте можно увидеть два названия «Петухово». Одно, на красной жилке железнодорожной магистрали, принадлежит городу, другим обозначено село, расположенное километрах в пяти – шести к северу от города. Объясняет эту географическую странность известная в наших краях легенда, документально не подтверждённая, но очень похожая на правду, поскольку подобные истории происходили и в других местах нашего богоспасаемого Отечества.

Рассказывают, что на подходе к Петропавловску чугушка должна была пройти рядом с волостным селом Петухово, где планировалось обустроить станцию V класса. Однако местные жители, убоявшись, что паровоз передавит их скотину и птицу, прибегли к обычному на Руси способу отвести беду – щедро поднесли кому следует. Получив подношение деньгами и продуктами, начальник строительства, имя которого легенда не сохранила, сделал незначительные поправки в чертежах, загнув магистраль немного вправо, как будто перед ней внезапно обнаружилась гора или зыбучие пески. Этот загиб, и поныне видимый на картах, вывел путестроителей к окраине деревни Юдина, где они и возвели на 407-й версте (счёт шёл от Челябинска) запланированную станцию V класса, назвав её, как и полагалось, «Петухово». Самовольство корыстолюбцев осталось безнаказанным, поскольку в реляции петербургскому начальству не сообщалось о том, что новая станция поменяла координаты, несколько передвинувшись к югу.

«Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге» за 1911–1912 годы сообщает о наличии на станции Петухово государственной сберегательной кассы и почтово-телеграфной службы, переселенческого пункта, казённого склада

земледельческих орудий, «школы монтёров сельскохозяйственного машиностроения и машинного ремонта», учебно-промышленной мастерской, посада Вознесенского из крестьян-переселенцев Полтавской и Черниговской губерний.

Охристый вокзал с бронзовым колоколом, такие же тёмно-жёлтые бараки и пакгаузы, водонапорная башня и отхожее место, сооружённые в начале века, исправно служили до 1970-х годов. Мастерские по ремонту сельхозинвентаря со временем перешли во владение железной дороги и превратились в стрелочный завод (впоследствии завод железнодорожного оборудования, а ныне — литейно-механический). А посад Вознесенка, который местные жители по его удалённости от станции именовали «Порт-Артуром», впоследствии стал ядром заводского посёлка.

Немудрено, что при советской власти село Юдино стало районным центром. В самых лучших домах, реквизированных новой властью у богатеев, разместились районные учреждения. Помнится, ещё в 50-е годы эти высокие бревенчатые дома с ажурными наличниками занимали и райком, и школа, и редакция газеты, и милиция. А могучие деревянные амбары и кирпичные склады купцов Колокольниковых, на которых долгое время сохранялись оральные

жестяные таблички страхового общества «Россия», использовались предприятиями кооперативной и государственной торговли до 80-х годов. В последний свой приезд на родину я их уже не застал.

На исходе Великой Отечественной войны власть постановила считать станцию, «Порт-Артур» и село единым населённым пунктом, а именно – городом Петухово. Бывшее же волостное село Петухово, оказавшееся в стороне от столбовой дороги прогресса, так и осталось селом. Хотя в административном регламенте остались оба населённых пункта с одним и тем же названием, наши новоявленные горожане, дабы не возникало путаницы в умах, стали именовать село Петухово несколько уничижительно – «Петушки».

Когда Курганскую область выделили из Челябинской, на её территории оказалось всего два города – Курган да Шадринск. Получилось неловко: какой-то деревенский край. И уже через год явились на свет города Катайск, Петухово, Шумиха. Потом к ним прибавились Далматово, Куртамыш, Макушино, Щучье. Но ещё долгое время, фактически до начала восьмидесятых годов, не происходило кардинальных перемен в облике таких «городов сельского типа».

И всё-таки нас грело сознание принадлежности к классу горожан. Зайдёт наш человек в вагон поезда, идущего, скажем, из Москвы в Омск, и какой-нибудь обалдевший от дорожной скуки пассажир спросит, зевая:

– А Петухово – это что, село? Название какое-то... смешное!

– Это город, – ответит ему наш человек с затаённой гордостью и прибавит популярную шутку: – Почти как Москва, только дома пониже да асфальт пожиже!